

ГОРОДА И ЦЕРКВИ ДАЛМАЦИИ В ТРУДЕ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО “ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ”

В статье рассматриваются содержащиеся в 29–30-й главах сочинения Константина Багрянородного “Об управлении империей” сведения о городах Далмации, их храмах и хранящихся в них реликвиях в сопоставлении с данными из материалов Сплитских церковных соборов 925 и 928 гг., а также более поздних далматинских источников. Показано, что собранные в ДАИ данные точно отражали местную историко-культурную традицию и представляли важную для далматинских городов и их церквей информацию, особенно актуальную для первой трети X в. в связи с учреждением Сплитской архиепископии.

Ключевые слова: Константин Багрянородный, фема Далмация, провинциальные церковные соборы.

The paper considers the data of 29 and 30 chapters of the “De administrando imperio” by Constantine Porphyrogenitus about the cities of Dalmatia, their temples and relics stored in them in comparison with data from materials of Church councils in Spalato of the 925 and 928 years and from later Dalmatian sources. It’s demonstrated that DAI data accurately reflected the local historical and cultural traditions and were important for the Dalmatian towns and their churches information, especially relevant for the first third of the tenth century in connection with the establishment of the Spalato Archdiocese.

Keywords: Constantine Porphyrogenitus, theme of Dalmatia, local church synods.

В труде Константина Багрянородного¹ содержатся сведения об истории северо-западных областей Балканского полуострова, которые могут быть интерпретированы с точки зрения отражения в них исторической традиции романского и романизованного населения Далмации. Далмация была римской, а затем византийской провинцией, которая располагалась вдоль Адриатического побережья от реки Раша в Западной Истрии до устья Албанской Дрины и уходила в глубь Балканского полуострова приблизительно до реки Савы. В результате варварских нашествий VI–VII вв. территория византийской Далмации сократилась до нескольких прибрежных городов и островов, куда оказалась вытесненной большая часть ее населения. На протяжении средневековья происходила славянизация этих городов, при этом в них сохранялись и развивались историко-культурные представления, восходящие к местной романской традиции.

В 29-й и 30-й главах содержатся два варианта рассказа об античном прошлом Далмации, об аваро-славянском нашествии и разорении ее главного города Салоны и других далматинских территорий. В варианте 29-й главы (29.3–54) Далмация представлена самостоятельной страной со столицей в

¹ Труд цитируется по изданию: *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1991. (Далее – КБ).

большом, “в половину Константинополя”, городе Салона, населенном “римлянами”, поскольку предки жителей этой страны были выведены из Рима императором Диоклетианом (29.3–7). Подобная интерпретация с очевидностью восходит к преданиям, сложившимся в романской городской среде Далмации, и соотносится со средневековыми текстами этой части Балкан, в которых культивировалось представление о славном римском прошлом Далмации, ее суверенности, величии Салоны и роли в истории Далмации ее уроженца императора Диоклетиана; в его огромный дворцовый комплекс в местечке Аспалаф, согласно местному преданию, переселились жители разоренной варварами Салоны, положив начало средневековому Сплиту². Вариант 30-й главы (30.7–61) во многом повторяет рассказ 29-й главы, но демонстрирует вмешательство в далматинский материал византийского редактора, убравшего, в частности, сентенцию о размерах Салоны и акцентировавшего подвластность Далмации Византии.

Информация 29-й главы о конкретных далматинских городах основывалась на исторической традиции каждого из них и отражала особенности их взаимоотношений. После падения Салоны, политического и церковного центра провинции, ее главным городом стал Задар (Диадора, Ядер, Ядриа). Приведенная Константином местная этимология его названия, доказывающая его большую древность, чем Рим (29.72–74)³, по всей видимости, отсылала к спорам далматинских городов за столичный статус. Интересно в этой связи сообщение хроники Фомы Сплитского о происхождении названия и самого города Задар, видимо, восходящее к местной традиции, в которой подчеркивалась его генетическая связь с Салоной. Здесь рассказывается, что город был основан частью беженцев Салоны, которым приглянулась удобная для укрытия гавань. А поскольку здесь они нашли все, “*preter fluuium Yadrum, qui ex orientali parte Salonitane urbi... influebat*”, то из ностальгических соображений и назвали город *Yadria*⁴.

Рассказ Константина о том, как бежавшие от славян жители “древней крепости Питавра” (Эпидавра) построили на обрывистых скалах Раусий–Рагузу (Дубровник) (29.222–225), основан на одном из вариантов местного, зафиксированного во многих средневековых источниках предания об участии в основании Рагузы жителей Эпидавра⁵, который располагался в нескольких

² Наиболее полно соответствующие сюжеты представлены в хронике XIII в. сплитского архидиакона Фомы (*Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О.А. Акимовой. М., 1997. С. 25–27, лат. текст цитируется по изданию: *Toma Arhidakon*. Historia Salonitana: Povijest salonitanskih i splitskih prvosvećenika / Predg., lat. tekst, prijevod O. Perić; koment. M. Matijević Sokol; studija R. Katičić. Split, 2003) и в южнославянском памятнике XII в., так называемой “Летописи попа Дуклянина” (*Ljetopis popa Dukljanina* / Prir. V. Mošin. Zagreb, 1951. S. 41–42).

³ Анализ пассажа см.: *Suić M.* Zadar u “De administrando imperio” Konstantina Porfirogenita // *Radovi Zavoda JAZU u Zadru*. 1981. Zv. 27–28. S. 16–26.

⁴ *Toma Arhidakon*. Historia... S. 42.

⁵ *Ljetopis... S. 70; Фома Сплитский*. История... С. 39; поэтическая хроника Милеция (XIV в.), фрагменты которой сохранились в составе сочинения о дубровницкой истории Николая Ранины (середина XVI в.): *Annali di Ragusa del magnifico ms. Nicolò di Ragnina* / Ed. N. Nodilo // *Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium*. Scriptores. T.I. Zagreb, 1883. P. 174. О некоем местном средневековом предании как общем источнике этих пассажей см.: *Katičić R.* Litterarum studia. Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja. Zagreb, 1998. S. 265–271.

километрах к югу (совр. Цавтат). Но одновременно в тексте Константина цитируется некий список поселившихся в Рагузе граждан Салоны (29.230–235), само существование которого должно было указывать на родственную связь Рагузы и с бывшей далматинской столицей. Приводимое Константином местное именование города (ὁ κρημνὸς λαῦ), связываемое им с расположением Раусия на скалах, имеет соответствие в средневековых далматинских источниках⁶.

Трактовка в тексте Константина названия Аспалаф (Сплит) как “малый дворец” (παλάτιον μικρόν) (29.237) связывает его с построенным в этом месте дворцом Диоклетиана. Однако такое объяснение противоречит не только самому виду этого грандиозного сооружения, монументальность которого можно наблюдать и сейчас, но и помещенному в тексте ниже его описанию (29.238–255). В сплитской исторической традиции название города также связывается с дворцом Диоклетиана, но трактуется как “большой дворец”⁷. По всей видимости, информатор этой части текста Константина использовал местную этимологию, но переименовал ее с очевидной целью умалить значимость огромного дворцового комплекса, а значит, и располагавшегося в основном в его помещениях города. На такую тенденцию указывает и еще одна особенность рассказа об Аспалафе: здесь не упоминается о связи истории Аспалафа с Салоной. Между тем, согласно местной традиции, достоверность которой признавалась во времена Константина другими далматинскими городами и за их пределами, о чем речь пойдет ниже, Сплит и был прямым наследником Салоны, поскольку именно беженцы из далматинской столицы обосновались в помещениях дворца Диоклетиана. В хронике Фомы Сплитского содержится подробный рассказ о том, как жители Салоны поселились в Сплите, сохранив при этом даже прежнюю социальную структуру⁸. Можно предполагать, что информация 29-й главы об Аспалафе исходила из источника, представляющего конкурирующую историческую традицию, по всей видимости, из Задара.

Г.Г. Литаврин обратил внимание на то, что упоминание в 29-й главе, в пассажах, посвященных конкретным далматинским городам, храмов и хранящихся в них мощей святых является уникальным для текста Константина, который в целом равнодушен к сведениям такого рода. Сделанное Константином исключение для главы о Далмации было, по мнению Г.Г. Литаврина, продиктовано желанием автора привести материальные и духовные доказательства законности давних прав Византии на далматинские территории⁹. Вместе с тем собранные в 29-й главе данные представляли исключительно важную и для самих далматинских городов и их церквей информацию, особенно актуальную для первой трети X в. в связи с историей учреждения Сплитской архиепископии. Ее завершающий этап нашел отражение в

⁶ Ljetopis... S. 70: “...homines Epidauriae civitatis... aedificaverunt civitatem supra mare in ripis marinis, quas Epidaurii lingua sua ‘laus’ dicunt”; то же: *Annali di Ragusa*... P. 174.

⁷ “Hoc scilicet edificium Spalatum dictum est a Pallantheo, quod antiqui spaciosum dicebant Palatium” (*Toma Arhidakon. Historia*... S. 18).

⁸ *Фома Сплитский. История*... С. 40–41.

⁹ *Литаврин Г.Г. Константин Багрянородный о храмах Далмации // Образ Византии. М., 2008. С. 261.*

материалах церковных соборов, состоявшихся в Сплите в 925 и 928 гг. и в посланиях папы Иоанна X, связанных с их проведением¹⁰.

Вопрос о юрисдикции далматинской церкви в раннее средневековье сложен из-за крайней скудости источников. В литературе имели место попытки обосновать различные датировки перехода церковной власти над далматинскими городами от римского папы к Константинопольскому патриарху – от времени правления Юстиниана до конца VIII в.¹¹ Характер этой власти по имеющимся немногочисленным свидетельствам также не вполне понятен. Возможно, в церквях Далмации было введено прямое правление византийского патриарха¹². В IX в. в Риме предпринимались усилия для возвращения далматинской церковной провинции под свою власть, которые, в частности, нашли отражение в письмах пап Иоанна VIII и Стефана VI¹³. До середины 20-х годов X в. далматинские епископии были определено возвращены под юрисдикцию Римской церкви: их главы фигурировали в материалах сплитских церковных соборов 925 и 928 гг. как суффраганы Рима. Сама возможность проведения под эгидой римского папы соборов на территории византийской Далмации трактуется в контексте сближения в это время Рима и Константинополя в связи с римским посредничеством в болгаро-византийском конфликте¹⁴. Вместе с тем для политики Византии в северо-западной части Балкан в это время показателен фактический отказ от участия в событиях, связанных с проведением соборов, главной целью которых было подтверждение римской церковной юрисдикции над государственными образованиями, располагавшимися на территориях бывшей Салонской архиепископии – византийской Далмации, Хорватии, а также Хума, тогдашний правитель которого, Михаил Вышевич, носил, по свидетельству Константина, высокий титул анфипата и патрикия (33.16).

¹⁰ Компиляция из материалов самих соборов X в. и папских посланий, касающихся их организации и обсуждавшихся на них вопросов, дошла до нас в составе текста так называемой “Большой истории Салоны”, рукописи которой датируются не ранее XVI в. (*Klauß H. Historia Salonitana Maior*. Београд, 1967. Далее – HSM). Аутентичность материалов соборов обосновывается достаточно надежно. См., например, анализ писем папы Иоанна X в контексте лексики и фразеологии римской курии IX–X вв. (*Katičić R. Litterarum studia... S. 392–418*) или сопоставление материалов сплитских соборов с материалами соборов IX–X вв. на франкских территориях (*Прозоров В.Б. Позднеантичная и раннесредневековая история Салонской церкви в отражении анонимной “Салонской истории”*. М., 1997. Дис.). Общепринятая датировка соборов – 925 и 928 гг. – устанавливается на основе сопоставления упоминаемых в них фактов и имен.

¹¹ См.: *Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*. Zagreb, 1925. S. 685–689 (библиография до 1925 г.); *Barada M. Episcopus Chroatensis // Croatia sacra*. Zagreb, 1931. S. 181; *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb, 1975. S. 112, 125.

¹² На Никейском соборе 787 г. среди западных суффраганов Константинопольского патриарха присутствовали четыре далматинских епископа: салонский (сплитский), рабский, осорский и корторский, все в ранге архиепископов, не связанных ни с какой митрополией; *Darrouzès J. Listes épiscopales du concile de Nicée (787) // REB*. T. 33. 1975. P. 5–76.

¹³ *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Red. M. Kostrenčić. Vol. I Zagreb, 1967. (Далее – CD). P. 17, 21.*

¹⁴ По некоторым предположениям либо папа тогда был допущен византийским императором к решению церковных вопросов на территориях, вышедших некогда из-под юрисдикции Рима (*Klaić N. Povijest Hrvata... S. 294*), либо же Константинопольский патриарх сам отрекся от юрисдикции над далматинскими епископиями (*Šišić F. Povijest Hrvata... S. 411*).

Принятые на соборе 925 г. решения отражали стремление папской курии воспроизвести далматинскую церковную структуру и иерархический порядок римского времени, поэтому авторитет далматинской христианской античности становился в этом контексте определяющим. Прежде всего это касалось вопроса о столице архиепископии. Ее прежней столицей в римское и ранневизантийское время была Салона, первым епископом которой, по местной церковной традиции, был св. Домний¹⁵. Сириец по происхождению, он претерпел мученичество во время гонений Диоклетиана в 304 г. и был похоронен на христианском кладбище в Манастирине возле Салоны, где сохранились две надписи с его именем, датируемые первой половиной IV в.¹⁶ На салонском христианском кладбище в Марусинце был похоронен и еще один почитаемый в Салоне святой, Анастасий – валяльщик шерсти из Аквилеи, также принявший мученичество в Салоне в начале IV в.¹⁷

В средневековых версиях о деяниях и мученичестве св. Домния он выступает уже не жертвой гонений Диоклетиана, а учеником апостола Петра, который и направил Домния в Далмацию¹⁸. Время возникновения этих житийных вариантов и текст протографа являются предметом долгой дискуссии, так что неизвестно, когда произошло превращение Домния в ученика св. Петра. Впервые эта трансформация фиксируется в материалах собора 925 г., но предполагается, что она совершилась еще в Салоне и была связана со стремлением Салонской церкви обосновать свой апостольский статус. Существует и несколько вариантов сплитской легенды о переносе мощей Домния и Анастасия с салонского некрополя, с захваченных варварами территорий, и захоронения их в Сплите, наиболее ранние из которых предположительно относятся к XI в.¹⁹ Правдоподобность факта переноса мощей, его датировка, проблема подлинности мощей имеют в литературе разное толкование, но независимо от решения этих вопросов, здесь важно подчеркнуть центральное значение этого события для идеологического обоснования Сплитской церковью ее апостольского происхождения и ее непосредственного отношения к Салонской архиепископской кафедре²⁰.

Решения Сплитских соборов X в. показывают определяющее значение агиографического фактора в возвышении Сплитской церкви. Ее статус утверждался лишь на основании единственного довода – наличия в Сплите мощей св. Домния, считавшегося святым покровителем Салонской церкви. Поскольку «св. Домний был некогда направлен апостолом Петром пропове-

¹⁵ Bulić F., Bernaldi J. *Kronotaksa solinskih biskupa*. Zagreb, 1912. S. 5–19.

¹⁶ Egger R. *Der altchristliche Friedhof Manastirine* // *Forschungen in Salona*. Bd. 2. Wien, 1926. S. 75–76.

¹⁷ На некрополе в Марусинце обнаружена надгробная плита Анастасия с соответствующей надписью (Dyggve E., Egger R. *Der altchristliche Friedhof Marusinac* // *Forschungen in Salona*. Bd. 3. Wien, 1939. S. 156–157).

¹⁸ Farlati D. *Illiricum sacrum*. Vol. 1. Venetiis, 1769. P. 414–426; см. также: *Istorija svetoga Dujma i Staša* / Ed. H. Morović // *Legende i kronike*. Split, 1977. S. 13–57; *Rapanić Ž., Ivanišević M. Sveti Dujam*. Split, 1997.

¹⁹ *Istorija svetoga Dujma i Staša*. S. 13–37.

²⁰ Еще на Никейском соборе 787 г. глава Сплитской церкви фигурировал в качестве салонского епископа. Сплитская церковь называлась Салонской папой Иоанном VIII в 879 г. (CD. P. 17). Папа Стефан VI в письме 886/887 г. сплитского епископа уже не именовал салонским (CD. P. 21).

довать в Салону”, – говорилось в первом пункте постановлений собора 925 г., преимущество перед другими церквями провинции должна получить только та “церковь и город, где покоится его святое тело”, и только ее епископ может наделяться титулом митрополита и соответствующими правами, т.е. правом созыва соборов и посвящения епископов²¹. На основании этого пункта столицей далматинской церковной провинции и становился Сплит. Упоминание Константином в рассказе об Аспалафе “храма св. Домна, в котором покоится сам св. Домн”, а также захоронения “в сей крепости и св. Анастасия”²², оказывалось, таким образом, актуальной для городской истории информацией и одновременно являлось фактом признания Византией установленного Сплитскими соборами организационного порядка далматинской церковной провинции.

Для епископа Задара такое решение не представлялось очевидным. На соборе 928 г. епископу Задарскому Формину предписывалось удовлетвориться тем положением, какое соответствовало Задарской церкви в древности²³. Из этого следует, что он также претендовал на роль далматинского примаса, тем более, что Задар был столицей византийской Далмации, а митрополитами ставились, как правило, епископы главного города провинции. Текст Константина Багрянородного наглядно демонстрирует агиографический контекст претензий епископа Задара и возглавлявшейся им церкви на лидерство с опорой на авторитет Византии.

Константин сообщает, что в Диадоре “лежит во плоти святая дева Анастасия, дочь Евстафия, царствовавшего [там] в то время”²⁴. Анастасия была римской патрицианкой, которая помогала христианам Рима и Аквилеи во время гонений Диоклетиана и была казнена в Сирмии; в V в. ее мощи были перенесены в Константинополь. В начале IX в., согласно местному преданию, император Никифор I подарил их задарскому епископу Донату, и они были перенесены в Задар²⁵. На найденном в Задаре саркофаге, который датируется IX в., имеется надпись, упоминающая Доната и подтверждающая, что в саркофаге покоится тело св. Анастасии²⁶. Имени упоминаемого Константином “царя Евстафия”, отца св. Анастасии, другие источники не знают. По всей видимости, он был героем местного варианта житийной легенды, призванным усилить значимость ее главного персонажа. А то, что задача такого усиления стояла, показывает сравнение в тексте Константина храма св. Анастасии с Халкопратийским храмом и описание его богатого внутреннего убранства (29.278–281).

По свидетельству Константина, в Задаре покоем также св. Хрисогон (29.278), мученик периода гонений Диоклетиана, который почитался в каче-

²¹ HSM. P. 99.

²² КБ. С. 125.

²³ HSM. P. 105.

²⁴ КБ. С. 125.

²⁵ Текст местной легенды о переносе мощей св. Анастасии см.: *Documenta historiae Croatiae periodum antiquam illustrantia* / Dig. F. Rački. Zagrabiae, 1877. P. 306–310. О датировке события и текста: *Manojlović G. O godini “Prijenosa sv. Anastasije u Zadar”* // *Zemaljski arhiv. Zagreb*, 1901. T. 3. S. 104–113.

²⁶ *Mihaljčić R., Steindorff L. Namenträgende Steininschriften in Jugoslawien vom Ende des 7. bis zur Mitte des 13. Jh. Wiesbaden*, 1982. S. 20–21. N 26.

стве святого патрона города²⁷. Согласно одной из распространенных легенд, патриарх Аквилейский Максим, родом далматинец, в 649 г. подарил мощи Хрисогона (в местной традиции – Кршевана) Задару²⁸. По другой легенде, появление мощей св. Хрисогона в Задаре было также связано с именем задарского епископа Доната, который, возвращаясь из посольства к Карлу Великому, побывал в византийской столице и перенес их из Константинополя в Задар²⁹. Вероятно, тело Хрисогона было перенесено сначала в какое-то место недалеко от Задара. В задарской грамоте XI в. зафиксирована легенда о том, как в окрестностях города были обретены мощи святого³⁰. В рукописи XIII в. сохранился текст более раннего времени о переносе мощей св. Хрисогона из пригородного некрополя в Задар и строительстве в его честь церкви³¹. Указание Константина на захоронение в Задаре мощей св. Хрисогона и его “святых вериг” показывает наличие в X в. в городе устойчивого культа святого и почитание его реликвий.

На Сплитских соборах X в. все адриатические епископии подразделялись на “западные” (верхнедалматинские) и “восточные” (нижнедалматинские). Среди последних указывались Рагузская и Которская (*Ragusitana et Catharitana*) церкви, “во всей полноте” получавшие свои границы и догматы католической веры³². Рагуза (Дубровник) занимала особое место в политико-административной структуре византийской Далмации: в сочинении “О фемах” Константин Багрянородный, описывая систему административного управления на территории Верхней Далмации, отмечал, что для городов Будва, Рисан и Котор метрополией была Рагуза³³. В церковно-административном отношении Рагуза как наследница Эпидавра претендовала на его епископскую кафедру и церковную территорию³⁴. Очевидно, схожие претензии исходили и из Котора, с чем и могло быть связано решение собора 925 г., согласно которому епископы Рагузы и Котора должны были владеть на равных условиях престолом и диоцезом³⁵.

Константин Багрянородный сообщает о захоронении в Рагузе, в церкви св. Стефана, святого Панкратия (29.235–236). Мученик периода гонений Диоклетиана, почитаемый римский святой, он и был захоронен в Риме. Сообщение о нем Константина, очевидно, местного происхождения, хотя неизвестно, когда в Рагузе возник его культ. Других данных о захоронении в Рагузе мощей св. Панкратия нет, за исключением разве что единичного легендарного свидетельства анонимной дубровницкой хроники XVI в. о переносе из

²⁷ Самая ранняя фиксация его почитания в Задаре относится к 918 г. и содержится в тексте заветания местного приора Андрея (CD. P. 27).

²⁸ *Bianchi C.F. Zara cristiana. Zara, 1877. P. 196.*

²⁹ См.: *Dabinović A. Kada je Dalmacija pala pod jurisdikciju carigradske patrijaršije? // Rad JAZU. Zagreb, 1930. Knj. 270. S. 228 i d.*

³⁰ CD. P. 126–127.

³¹ О составлении этого текста в IX в. см.: *Katičić R. Zadrani i mirmidonci oko moći sv. Krševana // Uz početke hrvatskih početaka. Split, 1993. S. 191–200.*

³² HSM. P. 104.

³³ *Costantino Porfirogenito. De thematibus / Ed. A. Pertusi. Città del Vaticano. 1952. Cap. 11.20–23 (P. 97).*

³⁴ Соответствующая историческая традиция нашла отражение в средневековых текстах. См., например: *Ljetopis... S. 54; Фома Сплитский. История... С. 39.*

³⁵ HSM. P. 100.

Рима частичек его мощей³⁶. Не исключено, что церковь Рагузы, соединив свою историю с именем чтимого римского мученика, стремилась тем самым поднять свой статус³⁷. В свою очередь, в Которе существовало предание о покаявшихся там мощах св. Трифона – мученика середины III в., погибшего в Никее, в Малой Азии, – которые были перенесены из Константинополя или из Фригии в 809 г.³⁸ Об их почитании и вере в их исцеляющую силу в Которе Константин Багрянородный сообщает следующее: “В сей крепости лежат нетленные мощи св. Трифона, излечивающие любой недуг, а в особенности терзаемых нечистыми духами”³⁹.

Константин рассказывает также о Тетрангурине (Трогире) (29.258–262), упоминая при этом о захоронении там св. архидиакона Лаврентия. Римский христианский мученик III в., он был похоронен в Риме. Однако, как видно, местное предание настаивало на погребении его в Трогире, и он почитается как святой покровитель Трогирской церкви. В материалах соборов Трогирская епископия не называлась. Впервые ее епископ упоминается в связи с походом венецианского дожа Петра II Орсеоло на Далмацию в 1000 г.⁴⁰, ранее которого и должна была возникнуть Трогирская епископия. Так что информация Константина могла быть связана с важным этапом борьбы за поставление в Трогире епископа с опорой на влиятельную силу св. Лаврентия.

Таким образом, сведения Константина Багрянородного о далматинских городах и их христианских, связанных с Римом или Византией, реликвиях и святых, отражали, иногда даже в деталях, исторические традиции этих городов. Для информаторов Константина подобные сведения имели сугубо современное звучание и играли первостепенную роль в связи с церковным строительством на далматинских территориях X в. и в условиях конкуренции между городами как за место в подчиненной Риму архиепископии, так и в административно-политическом пространстве византийской фемы.

³⁶ Автор хроники (используя легендарный сюжет из “Летописи попа Дуклянина” – *Ljetopis...* S. 69–71) пишет об основании Дубровника беженцами из Рима, которые захватили с собой частицы мощей нескольких святых, в том числе и св. Панкратия – *Annales Ragusini anonymi* / Ed. S. Nodilo // *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Scriptores*. Vol. I. Zagreb, 1883. P. 3–4.

³⁷ Т. Живкович, считая достоверным сообщение Константина о погребении мощей св. Панкратия в Рагузе, гипотетически предполагает, что они были перенесены из Рима в 742/743 г., во время правления в Византии восстановившего иконопочитание Артавазда, властные полномочия которого были признаны папой (*Živković T. The Earliest Cults of Saints in Ragusa* // ЗРВИ. 2007. Т. 44. С. 119–128).

³⁸ *Dabinović A. Kada je Dalmacija pala...* S. 223–227. Средневековый текст о мощах св. Трифона опубликован в: *Književnost Crne Gore od XII–XIX vijeka. Pisci srednjovjekovnog latiniteta* / Prir. D. Sindik, G. Tomović. Cetinje, 1996. S. 18.

³⁹ КБ. С. 124–125.

⁴⁰ МGH SS. Т. 7. Р. 32.